

Прежде Янь Фэйду никогда не водился с мелким зверьём да духами. Тех охватывал священный трепет от одного его присутствия, так что они и помыслить не смели подойти близко. Выходит, этот кролик, без умолку выдающий нежное «чмок-чмок», действительно окончательно лишился ума от лихорадки?

Янь Фэйду отодвинул бамбуковую корзинку, служившую Хан Цзянсюэ постелью, и улегся рядом. Прижав зайчонка ладонью, он решил сделать вид, будто ничего не слышит. Ушастый повертелся, понял, что вырваться из-под тяжелой кисти не выйдет, но на этот раз плакать не стал. Вместо этого он весело хихикнул сквозь щели между его пальцами.

— Бессмертный... вы что, смущаетесь? — сладко пролепетал кролик, словно говоря: «Да ладно тебе, мы же свои люди».

Янь Фэйду, за всю жизнь так и не узнавший, что такое смущение, лишь хранил молчание.

Хан Цзянсюэ с трудом выпростал мордочку из-под его пальцев и поманил Янь Фэйду мохнатой лапкой — соблазняя... то есть позывая к себе. Бессмертный про себя повторил, что сам нанял этого лину, и сдержанно наклонил голову, желая послушать, какую еще глупость сболтнет зверёк.

И тут его подбородка касалось нечто влажное и теплое.

— Чмок!

Целуясь, кролик сначала прижался пушистой щечкой, а затем при прикосновении губ действительно раздался тихий, забавный звук «чмок». Янь Фэйду остолбенел. А когда снова опустил взгляд, малыш уже крепко спал. Глазки его медленно закрылись, тело обмякло, а крошечные лапки обняли палец Янь Фэйду, пока сам он сладко захрапел. И вовсе не ради того, чтобы уйти от разговора, — он в самом деле провалился в сон.

«Неужто поцелуи и впрямь навевают сон?»

Он со всей серьезностью размышлял, как поступить с этим ушастым созданием, когда то поправится. Однако сейчас, глядя на то, как теплый ком шерсти тычется в его кисть с безграничным доверием, Янь Фэйду почувствовал, как сердце обволакивает неведомая мягкость. Смутные, беспокойные мысли, терзавшие разум, постепенно утихли.

Его одолела дремота.

Это не была внезапная тьма, накатывавшая после тяжелых ранений, а настоящая, глубокая усталость, позволявшая затеряться в сладком сновидении, точно смертному.

Белоснежные одежды небожителя разметались по ложу, а подбоком прижался зайчонок,

судорожно обнимающий его ладонь.

За окном утих мелкий снег, и мир погрузился в глубокую, немую тишину.

Эта тишина удивительным образом напоминала тот день, когда его, едва живого, спасли на горе Туло — день, похожий на застывший во времени сон. Тогда, едва обретя способность видеть, Янь Фэйду первым делом разглядел вовсе не лицо своего спасителя, а его руки. Теплые солнечные лучи падали на полупрозрачные, светлые ногти; белоснежные пальцы слегка поджимались у края постели, словно нежные, готовые распуститься бутоны магнолии.

Янь Фэйду не мог вымолвить ни слова и только неотрывно смотрел на эту руку. Словно почувствовавшая, что раненый очнулся, ладонь чуть приподнялась, открывая нежно-розовую внутреннюю сторону, а затем мягко сжала извечные, лишённые плоти пальцы Янь Фэйду.

В бесконечной тьме, когда ему казалось, что смерть неизбежна, лишь это крошечное тепло дарило спасение.

Возможно, уже тогда в его душе зародилось греховное вожделение. И когда золотые лучи солнца медленно гасли в его глазах, среди тысячи ослепительных вспышек он смотрел на образ своего спасителя, не в силах сдержать бушующее внутри пламя страсти.

Проснувшись, Янь Фэйду на мгновение решил, что все еще держит руку того человека.

... Однако на ощупь ладонь касалась чего-то пушистого — разумеется, ушастый ком всё так же ютился в его кисти.

— Уж не проснулся ли ты? — тихим голосом произнес Янь Фэйду.

Он коснулся лба и длинных ушек Хан Цзянсюэ — жар спал, температура пришла в норму.

Зайчонок в его руках едва заметно дрогнул, а затем принялся с уморительной фальшью оглушительно храпеть.

— Не встанешь — прогоню.

Едва прозвучала эта угроза, как Хан Цзянсюэ мгновенно подскочил на месте, полный сил, и с пылом выдал серию «заячьих хуков»!

— Проснулся, проснулся я! Не прогоняйте меня, Бессмертный!

Глядя на малыша с вновь засиявшими, живыми глазками, Янь Фэйду и сам невольно облегченно вздохнул. Он медленно поднялся. Хан Цзянсюэ тут же услужливо подоткнул у него за спиной подушку и уже намеревался спрыгнуть с кровати, чтобы отправиться варить отвар.

— Коль скоро вчера ты изволил заявить, будто я страдаю от немощи, снадобья я больше не принимаю, — подхватив кролика за загривок, невозмутимо остановил его Янь Фэйду.

Зайчонок востепенно и виновато вильнул хвостиком:

— Бессмертный, не стоит поддаваться минутной обиде и отказываться от лекарств...

Янь Фэйду умалчивал. Он лишь усадил Хан Цзянсюэ подле себя и уставился на него сверху вниз — холодно, строго, исполненный давящего величия.

В такие мгновения, когда на его лице не проявлялось ни единой эмоции, Бессмертный наводил на кролика смертельный ужас!

Хан Цзянсюэ принялся судорожно перебирать лапками, переводя взгляд с одного угла комнаты на другой. У него был обычный жар, а не хмельной угар, так что все вчерашние чудачества он помнил до мельчайших подробностей.

И как его кормили с ложечки, и как гладили пушистую шерстку, и как чесали брюшко... и этот «чмок»... А-а-а! Прекрати! Сгинь, дурная мысль!

Малыш беззвучно завопил от стыда, обхватил ушастую голову лапами и принялся отчаянно кувыряться по перине!

Янь Фэйду поначалу собирался слегка подразнить пушистого жильца, однако Хан Цзянсюэ, даже не дождавшись расспросов, умудрился разыграть целое представление.

... А ведь это весьма забавно.

Бессмертный прикрыл губы ладонью, подавляя невольный смешок, и смущенно прикрыл его легким кашлем. Услышав покашливание, Хан Цзянсюэ тут же убрал лапки от мордочки и воззрился на Янь Фэйду, сжав крошечные кулачки!

Глубоко вздохнув несколько раз, зайчонок наконец решился выдать свою самую сокровенную тайну:

— Бессмертный! У... у меня есть один изъян! Я просто не могу удержаться от того, чтобы ластиться к тем, кто мне по душе!

Янь Фэйду лишился слов.

«И это, по-твоему, тайна? Да это видно невооруженным глазом».

Выложив карты на стол, Хан Цзянсюэ точно сбросил с плеч тяжелый груз.

— Вчера я совсем заплыл от жара и потерял над собой контроль! Я же знаю, что Бессмертный чистосердечен и непорочен, и вести себя так было непозволительно! Впредь я больше никогда... хм, то есть я постараюсь себя сдерживать!

Зайчонок вовремя сообразил, что громкие обещания выполняет с трудом, и тут же оставил себе лазейку. Как-никак, а пушистым зверькам сомневаться в любви к ласкам не приходится!

Хотя Янь Фэйду не жаловал чужаков и никому не позволял подходить близко, эпитет «непорочный» был явно чересчур. Заметив, что от волнения уши кролика снова начинают алеть, он неожиданно протянул руку.

— В поднебесной нет закона, запрещающего домашнему любимцу ластиться к хозяину, — Янь Фэйду ласково погладил Хан Цзянсюэ по ушастой головке. Малыш тут же зажмурился от удовольствия, сладостно припадая к его ладони. — Так что в этом нет ничего дурного. Главное... не стоит...

Хан Цзянсюэ сообразил на лету и с готовностью перебил:

— Понимаю! Главное — никаких «чмок»!

Зайчонок облегченно похлопал себя лапкой по груди.

— Какое счастье, что, хоть вы мне и очень нравитесь, Бессмертный, я еще не влюбился без памяти! Хм... впрочем, за будущее не ручаюсь...

— Это еще почему? — любопытствовал Янь Фэйду.

Кролик хитро ухмыльнулся:

— А потому что, если я влюблюсь без памяти, одним целованьем в щечку не обойдется — придется целовать в самые губы!

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба; даже зрачки Янь Фэйду на мгновение сузились от неожиданности.

Мгновение спустя ушастого жильца выставили за дверь.

— Раз уж ты оправился, умойся, перекуси и ступай отдыхать к себе.

Стоя у окна, Янь Фэйду тяжело вздохнул и невольно прикрыл губы ладонью.

Хоть дикая демоническая натура и отличалась непосредственностью, не слишком ли этот кролик... разнуздан?

Вспомнив нежное прикосновение к своему подбородку, Бессмертный вздохнул вновь. Похоже, со дня появления этого пушистого создания он вздыхал чаще, чем за все прошедшее десятилетие.

Тем временем Хан Цзянсюэ спустился вниз, усердно умыл мордочку лапками, захрустел свежими овощами на кухне и, обменявшись с хомяками победными хлопками, задорно помчался к себе в комнату.

И вовсе не спать!

Захватив игрушечный деревянный меч, он снова устремился наверх. Проведя целый день под опекой Янь Фэйду и доверив ему свой тайный изъян, Хан Цзянсюэ уверовал, что теперь они — закадычные друзья. Он прекрасно помнил, как чарующе Бессмертный вращал мечом накануне вечером, и горел желанием показать собственные успехи. Ну и, само собой, следовало опять подтолкнуть хозяина к лечению. Пусть правда и колет глаза, а Бессмертный терпеть не может разговоров о собственной слабости, встать в позу — дело последнее!

Однако, добежав до спальни, Хан Цзянсюэ обнаружил, что дверь распахнута настежь, а внутри никого нет. Малыш с топотом ринулся в кабинет по соседству и точно — Янь Фэйду был там.

Бессмертный восседал на резном подоконнике, полы его длинного халата спадали до самого пола. В одной руке он держал фолиант, а вторую опустил в прозрачный аквариум.

— Бессмертный? — удивленно поинтересовался Хан Цзянсюэ.

Янь Фэйду, не поднимая глаз от страниц, спокойным тоном спросил:

— Отчего же ты не отдыхаешь?

Хан Цзянсюэ легко перемахнул через порог и подбежал ближе:

— Да я совсем не устал! Хвороба миновала!

Демонам и впрямь редко доводилось болеть, а уж если пропотеешь как следует, то и от болезни следа не останется.

— Чем это вы заняты, Бессмертный? Может, мне все же сварить вам отвар?

Зайчонок вспрыгнул на подоконник и с любопытством вытянулся на цыпочках.

Вода в аквариуме кипела ключом!

Крылатая рыба плавала в этой бурлящей воде и жадно заглатывала алые язычки пламени, что сочились прямо из пальцев Янь Фэйду. Даже погруженные в воду, они сохраняли облик настоящих огненных вспышек. Крошечные искры размером с ноготь пылали под водой яркими огоньками, но едва чудное создание раскрывало рот, как огонь тут же исчезал без следа, точно обычный корм.

— Она вытягивает из моего тела огненный яд. С ее помощью я полностью оправлюсь спустя какое-то время, так что нужды в лекарствах нет.

Едва Янь Фэйду закончил речь, как Хан Цзянсюэ от радости вспрыгнул ему прямо на колени!

— Как замечательно, Бессмертный! Поправляйтесь скорее!

Янь Фэйду лишился дара речи.

«И почему этот ушастый стал еще более ласковым, чем прежде?»

Тем временем наклонувшийся нежностью Хан Цзянсюэ победоносно вскинул деревянный мечик и воодушевленно заявил:

— Я запомнил вчерашние движения с мечом! Дозвольте показать их вам, Бессмертный! А то сидеть тут в одиночестве так скучно!

Не дожидаясь согласия, зайчонок соскочил на пол и принялся увлеченно размахивать клинком.

Янь Фэйду, державший в руках весьма занимательную книгу, предназначенную как раз для скрашивания досуга, на мгновение замер.

Однако, понаблюдав немного, Бессмертный все же захлопнул фолиант.

Большинство заклинателей отличались неизбывной гордыней: собственное

совершенствование, Дао, боевые искусства — все это выковывалось в бесчисленных раздумьях и закалялось в смертельных сражениях, прежде чем стать предметом гордости. Даже наделенные абсолютной памятью гении не способны были безупречно перенять чужие выверенные движения.

Янь Фэйду подпер подбородок ладонью и молча наблюдал, как Хан Цзянсюэ повторяет увиденные накануне фехтовальные формы.

Это была техника Янь Фэйду — и вместе с тем совсем иная. В лапках Хан Цзянсюэ она переродилась в нечто сугубо его собственное.

Не произнося ни слова, Янь Фэйду поймал себя на неожиданной мысли:

«Я почти жалею, что не взялся обучать тебя как ученика».

Деревянный мечик замер, упервшись острием в пол. Хан Цзянсюэ радостно обернулся и помахал лапкой:

— Ну как, Бессмертный?

— В сотни раз превосходит потуги большинства бездарей в этом мире, — отозвался Янь Фэйду.

Зайчонок замер от неожиданной похвалы, а после смущенно похлопал Янь Фэйду по щиколотке — ростом-то он едва достигал его лодыжки.

— Ах, Бессмертный, ваши речи столь сладостны!

Янь Фэйду на мгновение замялся.

«Вовсе нет, я лишь констатировал факт».

Взгляд Бессмертного задержался на одеянии Хан Цзянсюэ, и он спросил:

— Отчего ты не сменишь одежду? Вчера пропотел во время лихорадки, к чему таскать старые вещи?

Хан Цзянсюэ беззаботно глянул на свой наряд:

— У меня всего-то две одежды! Та, что постирана, еще не высохла!

... И когда же она просохнет?

Янь Фэйду даже удержался от вопроса. Вряд ли он страдал болезненной чистоплотностью, скорее просто привык к изысканности. Его уклад жизни отличался нескрываемой роскошью: обновки шились ежемесячно. А раз уж Хан Цзянсюэ принят им на службу в качестве домашнего питомца-лину, надлежит проявить должную заботу.

Янь Фэйду вынул руку из бурлящего аквариума и небрежно достал со стеллажа для сокровищ кусочек благовония для передачи вестей. Щелчком пальцев он зажег его и выбросил в окно. В воздухе благовоние истаяло, обратившись в струйку сизого дыма в форме летящей феи-фейтиань, застывшей перед лицом Бессмертного.

— Завтра мне потребуются новые платья. Пусть твой теневой слуга явится снять мерки.

Пауза, затем добавил:

— Кроме того, моему лину тоже понадобятся обновки. Пришлите лучшего мастера.

Закончив передачу вести, Янь Фэйду опустил взгляд на Хан Цзянсюэ. Зайчонок хлопал круглыми, как бусины, глазами, застыв в глубочайшем изумлении.

«Ась? И мне наряд сшьют?!»

<http://bllate.org/book/20471/2130980>